

Кудрявцеву основание делать вывод об изначальности культа единого Бога, о первичности монотеизма по отношению к политеизму.

Очевидно, что эта концепция, которая среди отечественных религиоведов известна преимущественно православным богословам, должна стать достоянием более широкого круга общественности, так как представляет реальную альтернативу распространенным ныне представлениям об исторических этапах развития религии. Концепция, излагаемая В.Д. Кудрявцевым, соответствует библейской позиции по вопросу о происхождении религии. Кроме того, она имеет серьезную фактологическую базу, что в совокупности делает ее гораздо более приемлемой, по крайней мере, для 85% россиян, считающих себя православными.

Романов А.В.

Об авторитарной религиозности

В многообразии типов религиозности выделяется доминирующая среди исторических конфессий – авторитарная религиозность, предстающая как в секулярной, так и в теистической форме. В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский отмечает, что основная проблема для авторитарной личности – «Пред кем преклонить колени?» Апологет авторитарности и символ исторической церкви Великий Инквизитор говорит о человеках: они «малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики». Для них не подходит евангельский идеал духовной свободы. Свобода выбора должна быть заменена авторитетом церкви, более соответствующим рабской природе человека. За человеками Инквизитор оставляет пассивно-авторитарное счастье «овнов». Согласно Ф.М. Достоевскому, основанием исторической церкви является чудо, тайна и авторитет. Христос же, в отличие от церкви, неавторитарен.

Авторитарно-пассивную установку «овнов» церковь отождествляет с «истинной верой», психология – с неврозом. Самым страшным грехом полагается неповиновение власти – «божественной» или политической

(которые отождествляются). Современные фараоны сакрализируются современными жрецами. Насколько божество понимается как всемогущее, отмечает Э. Фромм, настолько человек считается слабым и ничтожным. Повинуясь Богу как могуществу, человек избегает фрустрированности, обретает чувство покоя, но теряет самостоятельность [Фромм, 1990].

Вера отождествляется с доверием. Авторитарность означает почитание, поклонение человека перед высшей силой, послушание. Еще в Новом завете неверие отождествляется с непослушанием. Во все времена правители видели себя заместителями Бога на земле. Официальные религиозные организации подтверждают эту установку. Насколько человек не самоактуализирован и не является экспертом в какой-то области, настолько он вынужден обращаться к авторитетам. По замечанию А. Герцена, лень и привычка — два несокрушимых столба, на которых покоится авторитет [1985].

Вытеснение в сферу бессознательного восприятия собственных интеллектуальных и нравственных ограниченных возможностей ведет к формированию комплекса неполноценности. «Чудеса и авторитет могут создать лишь глупцов или лицемеров» [Дидро, 1986]. Склонность к авторитарно-пассивному типу отношений характеризует людей со слабым типом нервной системы, экстравертов с внешним локусом контроля, доверчивых, тревожных, отличающихся стереотипным, репродуктивным мышлением. Доверчивость отождествляется с «истинной религиозностью». Вслед за Ф.М. Достоевским П. Тиллих и Э. Фромм подчеркивают, что человек жертвует свободой выбора, самостоятельностью мышления ради устранения сомнения. Апология авторитарной веры (или, как говорили в Германии, «веры угольщика») есть препятствие развитию личности.

Формируется такая невротическая черта личности, как недоверие к себе. Вытесняемое в бессознательное тревожащее чувство собственной неполноценности приводит к формированию реактивных образований в виде идеи собственной сверхзначимости, мессианских притязаний. (Что просматривается в самих терминах «православный», «правотверный»).

Множественность одеяний священника – проявление гипертрофированной Персоны, подструктуры личности, отвечающей за выполнение социальных ролей и символизирующейся маской, что знаменует недоверие к естественным проявлениям человека. Одеяния подчеркивают «сан», групповой статус, определяя иерархичность отношений и выступая средством манипулятивного воздействия на «паству» («выпасаемых пастырями овнов»).

Авторитарная личность тяготеет к манипулятивным отношениям – как в активных, так и пассивных формах. Святые ценности при этом оправдывают любые средства, становясь средством изменения сознания другого в своих собственных скрываемых интересах. Понятия «любовь», «спасение», «Христос», «ислам» начинают выполнять функцию манипулятивного средства в достижении не афишируемых политических, финансовых и пр. целей.

Авторитарная вера – по-английски «trust» – это установка на некритическое принятие в истинном качестве всего исходящего из источника (человек, группа, книга, традиция), в ценности опыта и мудрости которого убежден принимающий. Авторитет дает опору, но не прозрение. Собственные интеллектуальные, нравственные решения фрустрируют индивида. Предпочтение той или иной истине выступает производным выбора авторитета. Критерием истины является соответствие нормы поведения или мышления мнению авторитета.

Авторитет – источник ролей: семейных, нравственных, религиозных. Он клиширует нормы истины, установок, реакций; нормы тревоги, страдания, религиозности. Предмет авторитарного отношения пластичен, «сублимативен»: одна представляющая его фигура – по мере актуализации личности – легко заменяется другой. Авторитарное знание предстает в виде совершенного, абсолютного. Оно дарует человеку «божественную истину», с которой человек чувствует себя в безопасности. Развитие самостоятельности рассматривается как проявление греховного.

Авторитет -- обладатель полноты ответственности, что отражено в

доктрине и православия и католицизма и о роли церкви как наделенного полнотой ответственности посредника в деле спасения человеческой души. Авторитарность нивелирует индивидуальную ответственность и чувство личной вины (греховности). Авторитарное отношение к нормам морали подразумевает чувство вины лишь в результате устранения лояльности авторитету. Авторитарность препятствует развитию сферы суперэго, индивидуальной совести («вести свыше») и нравственности (одного из основных мотивационных атрибутов Бога).

В работах «Будущее одной иллюзии» и «Достоевский и отцеубийство» З. Фрейд отмечает характерное для русского этноса стремление не устранять деструктивные влечения, а компенсировать их проявление раскаянием, предполагающим совершение нового греха. И Достоевский, и Иван Грозный стремились попеременно то грешить, то раскаиваться, ставя себе высокие нравственные цели. «Эта сделка с совестью – характерная русская черта» [Фрейд, 1991, с. 408], она заключена в слабости суперэго, коренящейся в архаичности русской коллективной души.

Вера отождествляется с доверием, религиозность — со следованием своей этнической традиции. При доминировании в сознании людей чувства неуверенности церковь видит спасение от страха лишь в солидарности членов группы [Ле Гофф, 1992]. Идея включенности в структуру незыблемого порядка выполняет психотерапевтическую функцию. «Сохранение веры» в авторитарной парадигме означает сохранение конфессиональной идентичности. Православная вера являлась символом принадлежности к русскому московскому царству, так же как исповедание «коммунистической веры» выступало символом идентичности советской России [Бердяев, 1990]. Идентификации индивида с конкретной национальной общностью и традицией – одно из оснований обретения и личностной идентичности. «Мужество быть частью» группы вытесняет мужество быть самим собой. Тоталитарные формы «спасения» воспринимаются с привычным энтузиазмом. В группе человек перестает доверять собственному восприятию, теряет способность решать

сложные задачи. Групповое чувство не ведет к соборности. Для пассивно-авторитарной личности обретение смысла существования – в растворении во внешней общности посредством отказа от собственного Я. Приобщаясь к авторитарной общности, человек констатирует обретение «полного покоя», «благодати», «истинной веры». В своей ментальной эволюции от «индуцированного атеизма» мы перешли к «подражательной внушенной религиозности». Концентрация внимания масс людей определяет волны распространения не только наблюдений НЛЮ, суицидальности, но и «суггестивной» религиозности. Тысячелетняя российская традиция «государственного православия», «симфонии» церкви и государства соответствует как «ожиданиям» политической власти, так и авторитарно-пассивным установкам (порожденным чувством зависимости) широких народных масс.

Соборность – внеавторитарная, свободная связь с Богом и людьми во Христе и Духе – часто отождествляется с групповым стиранием индивидуального единообразным. В рамках государственно-религиозной идеологии под видом «соборности» зачастую реализуются ценности конформизма, авторитарности и тоталитаризма. Значение толпы И. А. Ильин определяет как «религиозно-мертвящее». Толпа исключает духовную культуру и жизнь, возможность воспринимать священное. Эти люди легко заражаются психозом, теряют критичность, не подозревая о своей духовной несостоятельности, выступают с апломбом, самоуверенно и агрессивно [Ильин, 1993, с. 229]. Авторитаризм невозможен без послушания, покорности и деспотизма.

В авторитарной группе, в церкви происходит возрастание степени конформизма. Он усиливается при возрастании сложности вопросов и осознания своей некомпетентности в их разрешении. Любая религия предлагает систему ответов, касающихся сферы тайного, трансцендентного, в чем мы не компетентны. Делая как все, мы ожидаем хорошего к себе отношения со стороны как религиозной группы, так и презентуемого ею Бога. Если церковь идеологически отождествляет себя с определенной национальной общностью,

то это не может не вести к возрастанию нормативно-конформного и манипулятивного влияния на каждого представителя данного этноса. Сомнение опасно не для веры, а для авторитаризма. В религиозных проявлениях он боится аналитики в любых формах – как в виде психологии или философии религии, так и в виде теологии.

В рамках авторитарности нормой является подмена высших ценностей ценностями низшими, витальными. Единый Бог распадается на большое количество символизирующих и «ответственных» за воплощение этих ценностей святых. «Языческий монотеизм» – извечный удел авторитарной религиозности.

Фанатизм – наиболее примитивная форма проявления авторитарности. Истина для фанатика имеет лишь ту разновидность, которая представлена обожествляемым им авторитетом. Отрицание толерантности, абсолютизация одной конфессии невозможна без фанатизма. Отрицание ценности представителей других конфессий есть дистанцирование как от принятия любви, так и от носителя, символа этих атрибутов – Бога. Сознание фанатика эгоцентрично, себя он зрит мессией. «Ультра-православно настроенная молодежь, – отмечает Н.А. Бердяев, – которая не любит свободы и обличает ереси, себя почитает носительницей православия». [1991, с. 127]. Фанатик узурпирует волю Бога, выступая от Его имени. В отношении к иному вместо любви фанатик проявляет установки, проецирующие ментальные атрибуты сатаны, – неприятие, цинизм, агрессию. Авторитарность характеризуется агрессивным отношением к представителям других – «еретических» – конфессий. Вспомним добрую старушку, подкладывающую хворост в костер ректора Пражского университета, реформатора христианства Яна Гуса. Фанатизм не есть слабость веры. Это анти-вера – ущербная в духе и активная в миру. Фанатики опасны не столько для «иных» общностей, сколько для конфессий, которые они представляют и компрометируют.

При этом авторитарность остается необходимым основанием преемственности традиций, передачи знаний, установок, норм, ценностей.

Христос Ф.М. Достоевского вместе с чудом и тайной отбрасывает авторитет как средство приобщения к Богу. Склонность к авторитарности – критерий неактуализированности личности. Религия как компенсация слабости человека становится ненужной [Бонхеффер, 1994].. Авторитарная религиозность оказывается одной из стадий самоактуализации личности. Чтобы зажить религиозно, отмечает И. А. Ильин, надо научиться видеть Бога, не только в храме, но и в светской жизни. «Настоящая религия не есть дело одного церковного стояния, но дело всей жизни и всего творчества» [1993, с. 207].

Брауэр Е.Н., Сулонов П.Е

Евразийский подход Н.С.Трубецкого к политическому национализму

У термина «национализм» в массовом сознании и политическом обиходе сложная и во многом парадоксальная судьба. С одной стороны, в советскую (особенно) и постсоветскую эпоху данному термину придавался негативный смысл. С другой стороны, объективный исследователь не может игнорировать факты популярности идеологических установок и постулатов, которые могут быть охарактеризованы как «националистические».

Сразу скажем, что в данном исследовании термин «национализм» употребляется абсолютно политически нейтрально и идеологически неангажированно.

Перед нами в данной статье стоит задача выяснить, насколько идеология евразийства восприняла идейно-мировоззренческие установки правоконсервативной, националистической политической концепции. Это имеет особое значение для понимания концептуальных оснований самого евразийства, так как по определению евразийство имеет дело с совокупностью народов, национальных традиций и культур. Национализм зачастую играет роль самоидентификатора народа, своеобразной формой коммуникации с иными субъектами политического пространства. Поэтому через анализ